

НЕДОФИЛОСОФИЯ

Атлас непрожитых жизней

О дорогах, которые можно
выбрать по-настоящему

ФИЛОСОФСКАЯ ПОВЕСТЬ

О книге

Философская повесть с фантастическим допущением. Персонажи, организации и события вымышлены; совпадения с реальными людьми случайны.

Издатель: редакция Недофилософии

2026

Ознакомительный фрагмент

Оглавление

Содержание всей книги. Номера страниц и ссылки относятся только к этому фрагменту.

В ЭТОМ ФРАГМЕНТЕ

Вступление. Адрес мастерской	4
Глава 1. Карта, которую не заказывали	8

В ПОЛНОМ ИЗДАНИИ

Глава 2. Дорога, которую выбрали за тебя	
Глава 3. Земля надежной безопасности	
Глава 4. Маршрут заслуженной любви	
Глава 5. Страна вечной подготовки	
Глава 6. Жизнь, для которой не нужен идеальный момент	
Глава 7. Обычный вторник на красивой карте	
Глава 8. Чужие дороги хорошо смотрятся издалека	
Глава 9. Мост из небольших решений	
Глава 10. Цена перехода	
Глава 11. Атлас, который нельзя прожить целиком	
Глава 12. Дороги, которые закрылись	
Глава 13. Когда опыт меняет желание	
Глава 14. Маршрут возвращения	
Глава 15. Карта с твоими исправлениями	
Заключение. За пределами листа	

Вступление. Адрес мастерской

Конверт был пуст, но на внутренней стороне остался прямоугольник. Что-то долго лежало здесь, сложенное вчетверо: края потемнели, середина сохранила цвет сливок. Марина провела пальцем по сгибу. На подушечке осталась серая пыль.

В архивной комнате агентства разбирали старые проекты. К вечеру стеллажи должны были увезти, а на полу еще стояли коробки с фестивалями, конференциями и открытиями, которые когда-то казались огромными. Теперь каждому хватало картонной папки. Из одной выглядывал край синей ткани. Марина потянула его, и следом выпал конверт.

На лицевой стороне стоял адрес: Вязовый переулок, девять. Ни фамилии получателя, ни марки. Внизу мелко напечатано: «Картографическая мастерская. Вход со двора».

Она перевернула конверт. Под клапаном обнаружилась вмятина от скрепки; на обороте - карандашная цифра, почти стертая. Марина посмотрела в папку. Там лежали смета, список участников и фотография сцены, сделанная до открытия. Над сценой висела та самая синяя ткань. Пустые кресла повернули в разные стороны, будто они уже успели поспорить о представлении.

Этот проект она помнила. Ей было двадцать четыре, и руководитель впервые оставил ее отвечать за площадку самостоятельно. Всю неделю Марина жила с листом, на котором были фамилии и время приезда. В последний день выяснилось, что задник слишком короткий. Художница приехала с рулоном серой ткани, закрепила его за синим и на несколько минут выключила верхний свет. На фотографии серое казалось тенью, а маленькая сцена - глубокой.

Марина тогда стояла у двери с папкой и смотрела, как женщина двигает ткань. Решение заняло меньше времени, чем два разговора с поставщиком. Не потому, что было простым: кто-то должен был увидеть, где заканчивается сцена и начинается ее продолжение. Марина нашла людей, согласовала расходы, привезла недостающее. Женщина устроила то, ради чего люди потом садились в кресла.

С фотографией можно было расстаться. В общем архиве имелась цифровая копия. Марина отложила ее на край стола, затем вернула в папку. Синюю ткань тоже убрала. Для чего - пока не знала.

- Это хранить? - спросил из коридора сотрудник, кативший пустую тележку.

Он показал на коробку с надписью «Другие варианты». Крышка провалилась внутрь.

- Там макеты. На верхнюю полку в новом помещении.

- Их опять никто не выберет?

- Сначала доедем.

Сотрудник подложил под коробку ладонь. На картоне проступало пятно, похожее на материк, который плохо перенес плавание. Марина подхватила второй край, и они донесли ее до тележки. Внутри что-то тихо звякнуло.

Весь день она отличала нужное от того, что можно выбросить. Заказанные проекты, несостоявшиеся проекты, проекты, за которые заплатили аванс и потом передумали. Почти у каждого предмета нашлось чужое основание остаться. У старого конверта основания не было. Она положила его в сумку рядом с ключами.

Тележку увезли. Комната стала больше и неприятнее: на стене обнаружился светлый прямоугольник от шкафа, на полу - непримятый угол ковролина. Марина машинально прикинула, куда поставила бы длинный стол, если бы помещение осталось им. Потом вспомнила, что их новый офис уже нарисован и мебель куплена. Ее часть заключалась в том, чтобы все приехало вовремя.

Она погасила свет.

На улице шел мелкий дождь. Крупные капли собирались только под водосточными трубами и падали в одно место с удивительной настойчивостью. Марина остановилась под козырьком, достала конверт и попробовала разобрать карандашную цифру. Четыре или девять. Она наклонила бумагу к свету: вмятина оказалась длиннее цифры.

Вязовый переулок находился на другой стороне реки. Марина знала его по автобусному окну: узкие дома, склад с железной крышей, остановка, на которой почти никто не выходил. В одном из проектов они искали там помещение и отказались из-за неудобного подъезда. Переулок остался в памяти не местом, а отрицательным ответом в таблице.

До дома было сорок минут. До мастерской - примерно столько же, только в другую сторону. Она уже спустилась на две ступеньки в подземный переход, когда рукав куртки зацепился за шероховатую стену. Марина остановилась поправить нитку и снова увидела конверт в руке. Адрес читался отчетливо; цифра под клапаном по-прежнему не поддавалась.

В сумке лежал список покупок, который утром написала Варя. Дочь оставила внизу свободную строку и рядом маленький квадрат: «Что-нибудь к чаю, кроме того печенья». Марина помнила, какое именно печенье следует обойти. Обещания быть дома к определенному часу у нее сегодня не было. Было обычное направление, по которому она шла почти каждый вечер.

Марина поднялась обратно и выбрала мост.

Над рекой ветер отрывал капли от перил и бросал ей в лицо. На середине моста она пожалела, что не поехала автобусом. На другом берегу решила, что все равно уже промокла. Это было довольно слабое основание продолжать, но возвращаться по мосту не хотелось еще больше.

Переулок оказался короче, чем выглядел из окна. Склад стоял первым, за ним тянулся каменный забор. У дома девять не было вывески. Ворота запирала цепь, оставляя проход ровно для одного человека. На столбе висела табличка «Крупногабаритная доставка». Стрелка указывала в стену.

Марина задержалась у таблички. Покрутила ее на единственном винте, пока стрелка не оказалась направлена к воротам. Из-за забора раздалось:

- Не туда.

Она убрала руку.

Во дворе стоял человек в вязаной шапке. Он держал дверь плечом и пытался втянуть внутрь длинный деревянный ящик. Увидев Марину, поставил ящик на землю.

- Доставка с другой стороны. Эту табличку дети крутят. Я поправил, они поправили. Сейчас уже трудно сказать, где правильно.

- Я не доставка.

- Жаль.

Он поднял край ящика. Марина придержала дверь. Пока он протискивался, из-под шапки выскользнула серебристая прядь; мужчина

сердито сдул ее со лба. Ящик тянул его плечо вниз, а дверь открывалась не в ту сторону.

Внутри пахло сухой бумагой и мокрым деревом. У стены стояли узкие ящики, похожие на те, в которых хранят столовые приборы, только невероятно длинные. В глубине горела лампа под зеленым колпаком. Остальной свет падал с верхней части окна, закрытого плотной тканью до половины.

Мужчина протащил доставленное вдоль стены и проверил, не задел ли ножку большого стола.

- Спасибо. Вы по какому вопросу?

Марина подала конверт. На влажной бумаге уже проступали темные островки.

Он посмотрел на адрес, перевернул, приподнял клапан. Осторожно раскрыл пустой конверт, будто внутри могло оставаться что-нибудь хрупкое.

- Лист был сложен вчетверо, - сказала Марина.

Мужчина кивнул.

- Его здесь делали?

- Возможно. Мы раньше пользовались такими конвертами.

- Это план площадки? Или города?

- По конверту не скажу. Карта не сохранилась?

- Нет. Нашла в старом проекте.

Он еще раз рассмотрел след сгиба и положил конверт под небольшой гладкий груз. Бумага перестала выгибаться.

Марина увидела, что на столе лежит лист с дорогами. Некоторые линии были толстыми и темными, другие едва выступали из бумаги. В углу стоял нарисованный дом с двумя окнами; одно окно перечеркнули. Вокруг дома оставалось большое незаполненное место. Лист был прижат блюдцем, на котором не было ни чашки, ни следов чая.

- Савелий, - представился мужчина. - Вам куртку лучше снять. С нее на бумагу капает.

Марина расстегнула куртку. Во дворе слышалась вода: она стекала с железной крыши в бочку, и каждый звук попадал чуть мимо предыдущего.

Глава 1. Карта, которую не заказывали

Для куртки нашелся крюк на боковой стенке шкафа. Под ним уже стоял металлический поднос, и Савелий придвинул его ногой. Марина повесила куртку, проверила карманы. Ключи неприятно холодили руку. Она положила их в сумку и наконец заметила, что мужчина смотрит на пустой конверт через увеличительное стекло.

- Здесь четверка, - сказал он. - Дальше сорок девять. Видите хвост?

- Я думала, адрес продублирован.

- Номер связи. У нас было много одинаковых конвертов. Сам по себе он мало что даст.

Он показал ей бледную черточку под клапаном. Марина увидела три цифры там, где прежде видела одну. Савелий принес из-за перегородки узкий журнал. У корешка страницы были почти белыми, по краю желтыми. На некоторых стояли прямоугольные следы клея: наклеенные полоски когда-то заменяли целые строки.

- Какой проект?

Она назвала вечер, для которого готовили сцену с синей тканью. От названия остались только два слова; остальное пришлось искать в памяти. Савелий перевернул несколько страниц, остановился и постучал ногтем по строке.

- Оформление зала. Материалы предоставлены временно. Схемы, двенадцать листов.

- Значит, все-таки план.

- В той связке были планы.

Он записал на отдельной бумажке номер страницы. Марина решила, что сейчас ей предложат заполнить заявку. Возможно, внести плату за архивный поиск. Можно будет забрать старую схему, посмеяться над своей прогулкой под дождем и уйти. Обнаруженная служба хранения вернула переулку обычные размеры.

- Схема мне, в общем, не нужна, - сказала она. - Я просто увидела ваш адрес. Раньше не замечала.

- Бывает. Нам приносят конверт, чтобы узнать, где у него содержимое.

- И вы находите?

- Иногда выясняется, что содержимое никогда не было нашим.

Савелий убрал стекло и отправился за перегородку. Марина осталась перед лежащим на столе листом. У перечеркнутого окна черная линия заступала за раму. Ей вдруг стало не по себе: чужое исправление выглядело окончательным. Она обошла стол, чтобы посмотреть с другой стороны. В соседнем окне был нарисован маленький цветок.

Из-за перегородки раздался стук.

- Можно это отодвинуть? - спросила Марина.

- Что именно?

- Лист под блюдцем.

- За края. Если хотите освободить стол.

Она приподняла блюдо и сдвинула лист на чистую часть столешницы. Бумага была плотной, гладкой с одной стороны и слегка ребристой с другой. Перечеркнутое окно оказалось дверцей шкафа. Внизу, под домом, она увидела полку и крохотные корешки книг. Рядом с цветком стоял старый приемник.

Марина улыбнулась собственной тревоге. Дом мог быть шкафом. Черта могла означать переставленную полку. За несколько секунд она уже успела приписать рисунку потерю, о которой никто ее не просил думать.

Савелий вышел с двумя папками, развязанными не до конца.

- Здесь ремонтные. Для вашей связки великоваты. А это, кажется, перепутали.

Он положил папки рядом и, вместо того чтобы начать поиски, осторожно поднял край чужого листа. Под ним остался светлый круг на пыльной столешнице.

- Блюдце нужно было тоже переставить?

- Оно прижимало угол. У бумаги своя память, она любит возвращаться в прежний сгиб. Вы ее не испортили.

Из первой папки он вынул чертеж подвешного приспособления, несколько полос бумаги и лист с прорезью посередине. Из второй - пачку, перевязанную широкой хлопковой лентой. На ее верхнем листе стояло «Без владельца». Марина прочла надпись дважды.

- Это потерянные?

- И оставленные. И неверно положенные. Три разные причины в одном ящике. В учете так бывает удобнее, а потом приходится разбирать.

Он снял ленту. Несколько карт лежали в тонких полупрозрачных чехлах. По одной тянулся широкий путь, разделенный на клеточки, словно кто-то хотел уместить в нем множество маленьких комнат. Другая была почти пустой, но вдоль нижнего края виднелись следы обуви. Марина постаралась не рассматривать. Чужие листы показались ей чем-то средним между письмами и оставленными на стуле вещами.

Савелий сверял их с конвертом, прикладывая сгиб к сгибу. Два листа отложил сразу. На третьем задержался.

- Вот такой формат. Мы в те годы делали его часто. Можете посмотреть, относится ли к вам.

- По размеру?

- По содержанию тоже.

Савелий достал карту из прозрачного чехла. Она была сложена вчетверо. Марина раскрыла ее на столе. Линии пересекались, приближались друг к другу, расходились. В левом нижнем углу стояло несколько зданий. Одно напоминало школу: длинное, с выступом посередине. Второе было круглым. Между ними лежал странный предмет, похожий на открытую консервную банку.

- Не наша площадка, - сказала она. - Там был один зал. Прямоугольный.

Она уже взялась за угол, чтобы сложить лист обратно, когда заметила на круглом здании единственное окно. Оно находилось слишком низко. У крыши имелась небольшая вмятина, рядом короткая косая черта.

Марина наклонилась.

В девятом классе она сделала круглый театр из коробки, в которой подарили матери чашки. Крышка закрывала крышу, а проход для зрителей пришлось прорезать в боку. Первое отверстие оказалось низким. Готовая дверь упиралась в пол сцены, и посетитель ростом с бумажную

фигурку не смог бы войти, не сложившись пополам. Марина вырезала второе отверстие, а первое объявила окошком кассы. Косая черта на крыше появилась, когда нож соскользнул с металлической линейки. Мать потом заклеила ее бумажной полоской.

На карте полоски не было. Зато в открытой банке она теперь узнала алюминиевую коробочку, где хранила вырезанные скамейки. Деревянные спички, сложенные попарно, служили ножками. Готовые скамейки шатались и падали. Она злилась на каждую, однако продолжала делать следующую.

- Это невозможно, - сказала Марина.

Савелий присел на край низкого табурета.

- Вы нашли знакомое?

- Я делала такой макет. Дома. Он ни в одном проекте не был.

Свою школу она увидела только после театра. Рядом стояла лестница, которая никуда не вела. Марина помнила, как учительница предлагала поставить макет в вестибюле, а она отказалась: считала вещь недостаточно аккуратной. Лестницу вырезала в последний вечер, уже после выставки школьных работ. Приклеивать было некуда, и она оставила ее отдельно, в той же коробочке со скамейками.

- Здесь и лестница, - сказала она.

Савелий посмотрел на лист.

- Названий почти нет. Тут я без вас не разберусь.

- Кто это рисовал?

Он не ответил сразу. Марина услышала, как с куртки на поднос упала капля.

- Основа была из мастерской. А такие подробности появляются на самом листе.

- Сами?

- Когда карта находится у человека, иногда и после. С некоторыми листами это продолжается. Я стараюсь узнавать, что люди видят, прежде чем решать, что здесь изображено.

Марина выпрямилась. Ей стало жарко в свитере. Возникло знакомое желание найти человека, который точно знает порядок происходящего. Проверить договор, спросить дату, обнаружить подпись. На карте не было

фамилии. По краю отсутствовали типографские сведения. Она даже не могла назвать способ печати: серые здания выглядели как карандашные, но следов нажима не оставляли.

- А как этот лист оказался у меня раньше? - спросила она. - Или не у меня?

- Этого я пока не знаю. С конвертом он совпадает. Связку брали для зала. В ней могли оказаться другие листы. Потом что-то вернули отдельно. Это я еще посмотрю.

Он протянул ей журнал. В старой строке стояло число возвращенных схем: одиннадцать. Рядом позднее другим карандашом добавили единицу. Карандаш стерся, оставив на бумаге бороздку.

- Двенадцатый вернули?

- Возможно. Но не подписали, какой. Или кто-то пересчитал одиннадцать и обнаружил двенадцать. Я бы с удовольствием сейчас рассказал вам все, только запись этого не позволяет.

Марина отпустила страницу. Савелий не старался убедить ее. Это почему-то действовало сильнее, чем могло бы подействовать уверенное объяснение. Она снова взглянула на театр и на его неудобное нижнее окошко. Окно было даже не в том месте, в каком оно должно находиться у разумного человека, придумывающего символ детства. Оно было в том месте, где она ошиблась.

От школы отходили две линии. Одна доходила до пустого пространства и там исчезала. Другая продолжалась к зданию с множеством одинаковых прямоугольников. На его крыше стоял стол с маленькой стопкой листов. Марина провела пальцем над длинной линией, не касаясь бумаги.

- Эта дорога правильная?

- Какая?

- Темная.

- По ней много ходили.

- А светлая?

- Надо посмотреть, где заканчивается. Может быть, мало ходили. Может быть, только намечали.

- Вы не различаете?

- Иногда можно различить по тому, что человек сделал. Издалека оба случая похожи.

На темной дороге был крохотный квадрат. Приглядевшись, Марина обнаружила в нем кресла, повернутые в разные стороны, и полоску синей ткани. Она подняла голову. Старый проект теперь стоял на столе в виде рисунка, которого утром она не знала. Казалось, фотографию принесли сюда раньше нее и разрезали на детали.

Дорога проходила через зал и тянулась дальше. В одном месте от нее ответвлялась тонкая дуга. Внутри дуги лежал маленький складной стол. Марина не сразу его вспомнила.

Однажды, когда Варя еще носила яркий комбинезон с огромными карманами, Марину попросили помочь с дворовым праздником. У нее не было денег на готовые стойки. Она взяла у матери складной стол, обтянула его остатком ткани и приделала картонную арку. Под аркой ставили поделки. Ветер опрокинул две, но остальные смотрелись так, будто у каждой появилось собственное место. Марина задержалась после праздника и переделала основание арки. Приходить больше было некому. Она делала его для законченности самой вещи.

Вскоре стол вернули матери. С этого дня осталось несколько фотографий с детьми, которые прятали лица за поделками. Марина никогда не считала праздник работой, за которую стоило бы браться всерьез.

- Здесь все подряд, - сказала она. - Большое и маленькое.

- А что вы бы убрали?

- Вот этот стол. Это же один день.

Савелий подвинул лампу, чтобы край карты не уходил в тень.

- Мне нельзя решать, сколько стоит ваш день.

Марина раздраженно посмотрела на него. Он произнес простую фразу, а она услышала что-то торжественное, почти приготовленное заранее. Ей захотелось сказать, что день обошелся недорого и стол был чужим. Но Савелий уже разбирал ленту, зацепившуюся за треснувший ноготь. Он дернул ее слишком резко, и папка съехала к самому краю. Марина успела придержать.

- Спасибо. Мне обычно нельзя решать еще и где что лежит, - сказал он. - Сегодня это видно особенно хорошо.

Она засмеялась, впервые с того момента, как узнала школьный театр. Стало легче дышать. Можно было не понимать, что происходит, и при этом помочь человеку удержать пачку бумаги.

- На карте есть будущее? - спросила она.

Савелий перестал возиться с лентой.

- Вы видите его?

- Здесь много места.

- Место есть. А что будет, я вам не скажу.

- Тогда зачем она?

- Мне самому было бы интересно узнать, зачем она именно вам. Кто-то приносит лист обратно. Кто-то берет и возвращается с вопросами. Некоторым полезно рассмотреть, куда они уже дошли.

Он перевернул карту. На обороте оказалась старая надпись: «Вложение уточнить». Ниже - три цифры, те же, что под клапаном конверта. Марина почувствовала короткое облегчение. У невероятного предмета имелась хотя бы понятная ошибка хранения.

- Я ее не заказывала.

- Да. Заказывают у нас планы залов, копии, ремонт бумаги. С этим листом вышло иначе.

- Мне придется платить?

- За чужую ошибку в связке? Нет. Но я попрошу вас дать мне время посмотреть записи. Если найдется владелец, сообщу вам. Тогда вместе разберемся.

Марина сказала, как ее зовут, и оставила номер. Савелий записал его рядом с номером архивной страницы, закрыл журнал и поставил на корешок. Решение стало странно похоже на выдачу книги.

Она еще постояла перед картой. Темная дорога нигде не выглядела отвратительной. У одинаковых прямоугольников были опоры, рядом с залом росло маленькое дерево. Марина узнавала свою работу, но не понимала, куда смотреть дальше. Она ожидала хотя бы стрелки.

- Можно карандашом отметить? - спросила она.

- Ваши пометки останутся. Только не принимайте их за то, что уже случилось.

Карандаш лежал на столе. Она подержала его, затем положила обратно. Пока ей нечего было отмечать. Будущее занятие представлялось очень большим: свет, пустое помещение, люди, которые замирают перед сделанной ею сценой. Его невозможно было вместить в ту точку, где заканчивалась тонкая линия от школьного театра.

Савелий предложил чистую обертку. Марина сама сложила карту по старым сгибам. Нижнее окошко исчезло последним. Бумага вошла в конверт туго, и она отогнула клапан, чтобы не задеть угол.

В мастерской стало холоднее. Савелий посмотрел на темнеющее окно и сказал, что ему пора закрываться. В дальней комнате лежал лист под прессом; его нужно было проверить до ухода. Савелий попросил беречь карту от сырости.

Куртка все еще была влажной. Марина сняла ее с крюка, оделась и почувствовала, как холод проходит между лопатками. Савелий погасил лампу. Дверь открылась во двор, где бочка уже переполнилась и вода расходилась по кирпичам.

До магазина она добралась, когда дождь почти кончился. Покупки заняли много времени: знакомого молока не было, фрукты лежали в разных концах тесного зала. Марина поймала себя на том, что выбирает маленькие пирожные так, словно сегодня произошел праздник, о котором ей забыли сообщить. Взяла два, потом еще одно. Варя могла захотеть отнести третье отцу завтра; могла просто съесть.

Дома дочь сидела на полу перед разложенными листами. На одном было напечатано «Мои возможные профессии». В трех соседних клетках стояли названия, написанные разными ручками. Четвертая была пуста.

- У нас совпало, - сказала Марина, раньше чем успела подумать.

- Что?

- Мне сегодня тоже дали странный лист.

Варя подняла голову.

- Вам тоже велели выбирать?

- Нет. Я сама за ним пришла. Почти.

Дочь отодвинула учебный лист ногой. На кухне нашлась тарелка с приготовленными бутербродами. Один был накрыт другой тарелкой. Марина сняла ее и заметила, что сыр уже подсох по краю.

- Я думала, ты раньше придешь, - сказала Варя без упрёка. - Хотела спросить про эти профессии. Теперь завтра. Ты пирожные принесла?

Марина поставила коробку рядом с хлебом.

- Расскажешь, что там надо?

- Написать, кем я буду через десять лет. А я завтра не знаю, какую тему доклада выберу.

- А если оставить клетку пустой?

- За пустую работу будет оценка. Не за жизнь, за лист. Я пока так различаю.

Варя поднялась, собрала бумаги и унесла их в комнату. Марина не стала доставать карту при дочери. После переулка было особенно трудно объяснить обычными словами, почему она принесла домой лист с дорогами. Она переоделась, поужинала и съела пирожное. Крем оказался слишком сладким. Это окончательно вернуло вечер на кухню.

Потом она раскрыла карту на свободном конце стола.

Под электрическим светом темная дорога выглядела коричневой. В ней оказалось множество мелких боковых ходов, которые в мастерской она не заметила. Марина нашла складной стол, школьный театр и синий зал. Где-то должны были находиться Варя и Матвей, мать, их квартира, прежняя квартира. Но искать их по каждому маленькому зданию было бы похоже на выпрашивание у рисунка того, что она сама знала лучше. Она вернула взгляд к театру.

Сохранился ли он у матери? Марина помнила, что коробку ставили на высокий шкаф. При последнем ремонте все снимали. Она не спросила, куда делся макет. Тогда ей казалось гораздо важнее, чтобы мать не потеряла папку с документами на квартиру.

Она набрала сообщение: «У тебя сохранилась круглая коробка с театром?»

Потом добавила: «Из школы».

Ответ пришел не сразу. Марина успела убрать покупки и помыть тарелку. Мать прислала фотографию верхней полки кладовки. Между елочными украшениями и двумя пустыми банками стояла знакомая круглая коробка. Крышку стягивала бельевая резинка.

«Сохранилась. Собиралась спросить, нужна ли. Если приедешь в воскресенье, достану».

Марина увеличила фотографию. У совсем маленькой коробки отклеился кусочек обертки. На карте было легче найти театр, чем на материнской полке.

Она согласилась на воскресенье. Спрашивать о другом пока не стала.

Перед сном Марина вернулась на кухню за водой. Карта лежала в обертке, конверт рядом. Ей захотелось посмотреть, появилось ли на листе что-нибудь новое после сообщения. Она даже раскрыла первый сгиб. Затем вспомнила, что коробка по-прежнему стоит на той же полке, а она сама - на той же кухне. До воскресенья оставалось несколько дней.

Марина сложила бумагу. Поставила стакан подальше от нее и погасила свет.